

Р Ы Б А

18+

Ваня Жуков

Рыба

<https://litres.ru/74435462>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это называли спасением. Борьбой с пропагандой наркотиков. Сначала из песен исчезли неуютные слова, из фильмов вырезали неуютные кадры. Раньше ведь говорили, что из песни слов не выкинешь? Но этого оказалось мало. «Рыба» — это история о том, что боль и проблема остаются, даже если о них не говорить.

Содержание

Глава 1. Лето

5

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Ваня Жуков

Рыба

Слова из песни «Тварь» Константина Ступина:

Тварь - переросший мальчик

С антисоветской татуировкой

Тащится куда-то, как разбитый трактор

С глазами залитыми русской водкой

Слякоть - его стихия

Кайф, как награда за подвиг

На молитву отвечая звериным оскалом

Медленно тащится в преисподнюю

Константин Ступин скончался в 2017 году.

Слово «кайф» было вырезано из песни «Тварь» на всех площадках в 2026 году...

Глава 1. Лето

Солнце возвысилось над девятиэтажками, уже освещая весь двор. Было тихо. Кое-где раздавался детский крик, да изредка пищали домофоны подъездов. Воздух сегодня был чуть влажным после вчерашнего ливня.

Толя вышел из подъезда, прищурился от света и поправил очки. Воскресенье. Можно было никуда не спешить. Он направился через двор до магазина, нужно было купить кое-что и прогуляться заодно. В тени старого тополя, за грубо сколоченным столом, сидели трое стариков и стучали костяшками домино. Толя знал их в лицо, видел здесь каждый раз, когда проходил мимо. Один, плешивый, в растянутой майке. Второй, сухой и жилистый, с вечно недовольным лицом, носил старую кепку, которую никогда не снимал. Третий же, казалось, никогда не принимал участие в игре, лишь наблюдал.

Толя подошел ближе, остановился в паре шагов. Старики как раз закончили партию. Плешивый хлопнул ладонью по столу и засмеялся:

– Рыба! Гляди! – посмеялся он, – Это ж отлично! Мы как будто оба выиграли.

Тот, что в кепке, мрачно уставился на костяшки. Он долго молчал, потом сплюнул в сторону и покачал головой:

– Дурак ты. Никто не выиграл. Все проиграли. Рыба – это

тупик. Ходов больше нет. Ни у тебя, ни у меня. Все.

– Это же как посудить, – вмешался в спор тот, что наблюдал, Клим. – Это, так сказать, как говориться, у одного стакан наполовину пуст, у другого полон. Как говориться, как посмотреть.

Толя знал этого старичка, он жил этажом выше. Половина его речи состояла из слов «так сказать» и «как говориться».

– Ну вот видишь, Семен. В стакане то все равно кой чего и есть. А ты сразу: «оба проиграли»!

– Оба! С полстакана я не захмелею, а лишь раздражню себя. Какая ж это победа, Вася.

Клим залез рукой куда-то под лавку и с хитрой улыбкой сказал.

– Товарищи. А у меня тут это, так сказать. Ну раз уж мы начали про стаканы спорить, так сказать, как говориться, есть кой чего. Чтоб не спорить у кого где этот стакан, так сказать. Предлагаю шлифануть это дело, как говориться. – сказал он, доставая из сумки бутылку и три пластиковых стаканчика.

Дед Семен собрал костяшки в кучу и поднял глаза. Взгляд его упал на Толю, но задержался не на нем, где-то за его спиной. Толя обернулся. В кустах у гаражей копошился молодой парень в грязной футболке, с бегающими глазами. Он шарил руками в траве, приподнимал ветки, заглядывал за бордюр. Толя знал этот взгляд. Знал эти движения.

– Эй! – рявкнул Семен, приподнимаясь со скамейки и

сжимая в руке трость. – Ты че там ищешь, а? Иди отсюда! Чтоб духу твоего здесь не было!

Парень вздрогнул, выпрямился, бросил на старика злобный взгляд, но ничего не ответил. Развернулся и быстро зашагал прочь, сунув руки в карманы. Толя проводил его взглядом.

По средам Толя ходил в клуб, так он называл это место. Каждую среду уже много лет. Клуб располагался в подвале старого жилого дома. Никакой вывески, только облупившаяся дверь и неработающий звонок. Внутри пахло сыростью и дешевой заваркой. Ряды пластиковых стульев, стол с кипятивником.

Здесь собирались те, кто когда-то сидел на героине, метадоне, крокодиле, колесах, кто пил аптечные настойки, кто нюхал клей и курил спайс. Те, кто выжил. Толя приходил сюда уже двадцать лет. Сначала трясущийся и молчаливый. Загнанный в угол, словно зверь. Потом как один из тех, кто держится. А теперь как наставник. Он не был психологом, не имел диплома, но у него было то, чего не было у дипломированных специалистов. Он сам прошел этот ад и вернулся, знал каждую лазейку, каждую отмазку, каждую ложь, которую зависимый рассказывает себе и родным. Знал, потому что сам произносил эту ложь сотни раз.

Сегодня в клубе было около десяти человек, постоянные и один новенький. Молодой парень, лет двадцати пяти, не больше. Стул под ним ходил ходуном, потому что ноги от-

казывались слушаться, а руки то и норовили сорвать с шеи ворот, хотя футболка и так висела мешком. Глаза, покрасневшие и влажные, бегали по залу, но ни на ком не задерживались, они то расширялись, встречая свет ламп, то сужались, когда он опускал взгляд в пол. Кадык ходил ходуном, он сглатывал слишком часто и слишком громко, а губы были сухими и искусанными до мелких кровавых корочек. Его бил мелкая дрожь, плечи вздрагивали через каждые несколько секунд, словно по коже пробегали невидимые мурашки.

Толя начал первым, как и всегда.

– Всем привет. Я Толя.

– Привет, Толя, – ответили хором все кроме одного.

– Рад вас всех видеть. Хочу начать с того, что сегодня девятнадцатая годовщина с момента, как я чист.

По залу пробежали аплодисменты. Он рассказал всем как прошла его неделя. Как справлялся с желанием сорваться, ведь оно как паразит, который никогда тебя не покинет. Постоянные с интересом и улыбкой послушали историю о философском споре за домино. Новенький молчал.

– Может, хочешь что-то сказать? – спросил Толя, глядя на него. – Необязательно представляться, если не готов. Просто расскажи, как ты здесь оказался.

– Нет. – отрезал он.

– Ладно. Тогда пропустим. Гена, расскажи, как у тебя дела.

Гена являл собой самый яркий и живой пример для всех,

кто думает, что вещества – это круто. Он сидел на инвалидном кресле без обеих ног.

– Всем привет, я Гена.

– Привет, Гена.

– Сегодня год и восемьдесят четыре дня как я чист.

Ему похлопали.

– Как многие из вас слышали уже, я сидел на дезоморфине. То, что я могу говорить, это уже чудо господнее. – он перекрестился, – я хотел кое-чем поделиться. Я вчера сам сходил в душ. Коляску оставил у входа. Мама все бегала вокруг да около, но я ей запретил входить. Сидел я на краю ванны и минут двадцать просто держал руку под краном, под теплой водой. Знаете, течение. Раньше я не замечал, как это приятно. Это как когда я в гнойной хирургии лежал. Привыкаешь к запаху тухлого человеческого мяса. А как выписали, я вдохнул полной грудью, и опьянел сильнее, чем от любой дури.

– Спасибо за историю, Гена, – сказал Толя и снова перевел внимание на парня, – Молодой человек, ваша очередь. Вы должны сказать хотя бы пару слов. Таковы правила.

Парень поднял озлобленные глаза, словно у избитого уличного пса.

– Отвали от меня дедуля. Че ты тут нас лечишь? Кто сказал, что ты тут главный? Сидишь тут в своих очках, интеллигент. Ты и половины не испытывал того, что мы. Глянь на этого крокодила Гену хотя бы. Че он не главный?

– Слышь! – поднял голос Гена.

– Тише, тише, – сказал Толя, – дай ему договорить.

– Умный тут самый, профессор, – продолжил парень, – ты хоть представляешь, что такое приносить боль близким. Завязал он двадцать лет назад. Герой.

Толя помолчал. Постоянные переглянулись.

– Я убил свою девушку, – сказал он ровно. – Сел за руль пьяный и под кайфом. Дело было возле дома. Поехал за добавкой. Она пыталась меня остановить. Перепутал передачу, сдал назад вместо того, чтобы ехать вперед. Придавил ее между бампером и гаражными воротами.

Парень замер. Нога перестала трястись.

– Мы собирались пожениться. Я отсидел за это. Вышел. И вот я здесь. Я знаю, что такое, когда ты сам от себя отворачиваешься. Поэтому я здесь. Не чтобы учить. Чтобы ты не прошел через то, через что прошел я.

В комнате стало тихо. Парень опустил глаза и ничего не ответил. Толя не давил. Он знал, иногда слова попадают куда нужно не сразу. Иногда они прорастают потом, через неделю или через месяц.

По дороге домой Толя надел наушники и включил музыку. Что-то авторское, под акустическую гитару. Шел через темный двор, мимо тополей, скамеек, качелей и фонарей. В наушниках что-то щелкнуло, и голос пропал. Не весь, только одно слово. Как будто кто-то вырезал его ножницами из пленки. Толя нахмурился, остановился. Достал телефон, от-

мотал назад, включил снова. Та же тишина на том же месте. Он отмотал еще раз. Ничего. Слово исчезло. Он переключил трек. Другая песня и снова дыра. Короткая, в полсекунды, но заметная. Будто певец на секунду погрузил голову в аквариум. Толя выключил музыку, сунул телефон в карман и пошел дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.